

ОБЫКНОВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Александр
Пономарев

RED. Современная литература

Александр Пономарев

Обыкновенная история

«Редакция Eksmo Digital (RED)»

2022

Пономарев А.

Обыкновенная история / А. Пономарев — «Редакция Eksmo Digital (RED)», 2022 — (RED. Современная литература)

ISBN 978-5-04-167966-8

Третий в серии сборник рассказов продолжает радовать читателя очень меткими, точными и легкими историями, вызывающими то громкий смех, то добрую улыбку. Каждому герою автор уделяет свое бережное внимание, наполняя страницы книги теплой любовью – чувством, беспрепятственно передающимся и читателю. Комментарий Редакции: Необыкновенно интересные сюжеты «Обыкновенных историй» – то, что точно отвлечет от рутины, согреет надеждой и поможет услышать в бытовой скуке истинную поэзию.

ISBN 978-5-04-167966-8

© Пономарев А., 2022

© Редакция Eksmo Digital (RED), 2022

Содержание

Сейчас погулим	6
Не тревожь мне душу, скрипка	9
Сирень цветет	12
Его ребенок	15
Стыдно-то как	18
Режиссер	24
Твой он что ли	26
Маньяк	28
Вакансия	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

«Обыкновенная история»

Сборник иронических рассказов

Художественное оформление: Редакция Eksmo Digital (RED)

В оформлении обложки использована иллюстрация:

© IR_Stone / iStock / Getty Images Plus / GettyImages.ru

* * *

Сейчас погулим

«Закруглившись» у себя в юридической консультации, я по пути домой, забежал в районную поликлинику, к терапевту. У кабинета очереди не наблюдалось. О том, что здесь еще недавно творилось светопреставление, напоминал лишь кем-то забытый костыль, сиротливо прислонившийся к банкетке, несколько бесплатных газет с отгаданными кроссвордами и стойкий запах корвалола.

«— Повезло так повезло, это все потому, что талон мне удалось урвать на самый конец приема. — подумал я, и, неуверенно постучавшись, толкнул дверь.»

— Здрасьте.

Сидевший за столом мужчина в белом халате и сползших на нос очках, вздохнув, отложил планшет и небрежно кивнул, указывая мне взглядом на стул.

— Ну рассказывайте, что у вас стряслось, больной, на что жалуетесь.

Прочистив горло, я принялся описывать свое состояние.

— Гиперемия слизистой в полости рта, экзема на запястьях по типу Капоши. А еще увеличились и стали болезненными регионарные лимфоузлы. Один, тот что под ключицей, а другой в локтевой ямке....

— Врач впервые поднял на меня глаза, но тут же смущенно их опустил. — Пальцем лучше покажите, если вам не затруднительно.

Я с готовностью ткнул в район плеча и на сгиб левого локтя.

— М-да, м-да, редкий случай в моей практике, неоднозначный, — сказал доктор, задумчиво теребя нос. — А почему такое с вами произошло, сами вы не догадываетесь, конечно?

— Отчего же? Вследствие Т-клеточного иммунодефицита, судя по всему. — ответил я. — Или в результате нарушения продукции интерферона, или быть может сбоя в работе макрофагов. Ну а причина? Да мало ли. Но скорее всего из-за стресса на работе, усугубленного осенним недостатком витамина Д, ну и тяжелой жизнью вообще.

— Ишь ты, грамотный какой нашелся, может быть и диагноз свой тогда назовете? — с ироничной улыбкой спросил врач, монотонно набирая одним пальцем текст на компьютере.

— Полагаю, что рецидивирующий Герпес симплекс. — бодро отрапортовал я, но увидев его недоуменный взгляд, добавил, — Вирус простого герпеса, сезонное обострение, проще говоря.

— Ааа. Ну да, ну да, ты смотри-ка угадал. Я и сам, не успели вы войти, понял, что сплошное обострение у вас, — сказал доктор, после того, как удовлетворенно занес полученную информацию в базу. — Кстати, насчет диагноза это я так просто спросил. Для поддержания разговора исключительно. Ну и что вы принимаете сейчас, позвольте тогда уж поинтересоваться?

— Виферон, десять тысяч единиц, в супспензии.

— О! — обрадовался эскулап и взглянул на меня победоносно. — Знакомое какое название. Вот и продолжайте его принимать до полного исцеления, это очень сильный антибиотик.

— Так какой же это антибиотик, доктор, это белок рекомбинантный человеческий, — сорвалось у меня.

— Конечно же белок, разумеется белок, а я что сказал? — блудливо стрельнув глазами по сторонам, выдохнул хозяин кабинета и принялся усердно протирать очки. После неловкой паузы он решил все-таки внести в вопрос некоторую ясность.

— Устал я сегодня, просто жуть. Тридцать человек принял. Поэтому под вечер, как видите, заговориваться начал уже. Всем помоги, во всем разберись. Толпы страдающего народа вокруг, а я на целую поликлинику один единственный толковый терапевт. И чего вы хотите от меня, больной, после такого сумасшедшего рабочего дня?

— Да ничего особенного, коль скоро вы с диагнозом разобрались уже, за что я вам, конечно, премного благодарен. Осталось только выписать мне что-нибудь эдакое на основе

диэтилбензимидазолия трийодида для наружного применения, ну и, разумеется, Ацикловир или Пенцикловир перорально, чтобы все стало и вовсе замечательно.

– Ди... ти ... мезозой... – терапевт попытался записать на слух, но у него ничего не вышло, – Пер...бер... Вот что, – поднес он к моему лицу планшет. – Вы повторите больной, все, что мне тут сейчас наговорили, только в микрофон. А потом мы живенько погуглим... – он встрепенулся, – ... Алиса...

– Зачем гуглить, доктор? Давайте, лучше я так напишу.

– Ну раз вы настаиваете, то вот вам ручка и бумажка. Только умоляю, поразборчивей.

Не успел он протянуть мне через стол блокнот, как тут же, всхлипнув, судорожно схватился за поясницу.

– Ой, мамочки!

Мужчина в изнеможении откинулся на спину, уголки губ его задрожали, а по откормленным щекам прямо на воротник халата заструился пот, смешанный со слезами и прочими выделениями.

– Спинааа, ох, Боженьки. Грыжа... иииии..., наверное, сломалась, прободение позвоночника или еще чего-нибудь в этом роде, – скулил он, вытирая бледное лицо.

«– Надо же, – расстроился я, – В кои-то веки удалось прорваться на прием к специалисту, да и тот загнется того и гляди. Нет уж, так дело не пойдет.»

– А ну-ка прилягте, доктор. – решительно сказал я страдальцу, вежливо поддерживая его за поясницу. – И не переживайте вы так, сейчас разберемся.

Стенающий доктор уgnездился с моей помощью на кушетке в позе эмбриона.

– Тут больно? А так, а так? – спрашивал я, аккуратно постукивая его по пояснице и нижнему отделу позвоночника, – Ну, все ясно, это у вас воспаление седалищного нерва. Люмбаго, одним словом.

– А это... это не очень страшно?

– Не смертельно, и лечится легко, – успокоил я бедолагу, после чего вколол ему обезболивающее.

– Теперь одевайтесь, доктор, а мы вам лечение назначим пока.

Помыв руки, я, усевшись за докторский стол, написал схему лечения, комментируя ее вслух.

– Принимайте с утра и на ночь по две таблетки ортофена или, при его непереносимости, хондроксида. Ну и диклофенак, само собой, тоже потихоньку втирайте. Увидите, через неделю как рукой снимет. Сейчас же временно ограничьте физическую активность, а вот на будущее постараитесь, наоборот, как можно больше двигаться. Это вас сидячий образ жизни так наказал.

– Все она, – обреченно развел руками доктор, когда его слегка отпустило. – Она виновата – работа проклятущая. Сидишь тут днями напролет – врачуешь за так называемую зарплату. Того на ноги поставь, этого спаси, всех исцели. Впрочем, что мы все про меня, да про меня, – спохватился он. – Вам-то чем я еще могу помочь, больной?..

* * *

На прощание он долго тряс мне руку и преданно заглядывая в глаза повторял.

– Заходите, любезный. Почаще заходите, не стесняйтесь. Если что, то сразу к нам. Всегда поможем. Самолечением только не вздумайте заниматься, не играйте с огнем. Эй, больной! – окликнул он меня, когда я был уже в дверях. – Напомните, пожалуйста, а как там у меня это самое называется.

– Что это?

– Ну это! – смущенно показал он себе на поясницу.

— Люмбаго, что ли?

Я шел домой и грустно думал, — «Конечно же буду заходить. Куда же от вас, от медиков, денешься. Я быть может и не пошел бы в другой раз (жизнь как-никак научила уже без медицины обходиться), только лекарства в отсутствие рецепта аптека мне все равно ни за что не отпустит...»

Не тревожь мне душу, скрипка

Мне всегда горячо хотелось, чтобы мой сынуля стал известным музыкантом – виртуозом – скрипачом. В самых смелых своих фантазиях я неизменно видел его стоящим на сцене в ярком свете софитов, облаченным во фрак с бабочкой. Вот перед ним, затаив дыхание в ожидании волшебства, застыл зал, полный респектабельных ценителей высокого искусства. Вот чадо, откинув назад длинную челку и сомкнув веки, уверенно берет первый аккорд – «До». За ним быстро следует второй, третий – «Ре-Ми»… Смычок так и порхает в его ловких и чутких руках, даря миру сладкие, волшебные звуки – «Фа-Соль-Ля». На этой мажорной ноте я, как правило, просыпался.

Наконец, пораскинув что к чему, я от купания в мечтах, перешел к их исполнению. Первым делом мной с рук была приобретена красавица-скрипка. Продавец не без гордости признался, что на ней играл чуть ли не сам Никколо Паганини. И судя по назначеннй им цене, этому вполне можно было верить. В тот же вечер, нарядив своего отпрыска в выходной костюм, я дал ему в руки инструмент и попросил откинуть челку. Таким нехитрым образом сбылась примерно половина моей фантазии. Остались, правда, невоплощенными – рукоплещущий зал и софиты. На первый взгляд, вроде бы, так себе-ерунда, мелочь. Но, как оказалось, для реализации этой мелочи необходимо было по меньшей мере научиться играть.

И тогда я начал тормошить по очереди всех своих знакомых, пока кто-то из них не порекомендовал мне очень компетентного педагога по классу скрипки, лауреата всевозможных конкурсов и дипломанта различных международных фестивалей.

Им оказался румяный круглолицый человечек более, чем средних лет, с кучным хвостиком волос на голове, очень похожий на несвежего, перебродившего Чиполино.

Весь рабочий кабинет маэстро был увешан всячими дипломами и грамотами, а также уставлен статуэтками. На внутренней стороне двери висела афиша с его фамилией: «… Вершины скрипичного искусства. Только сегодня и только у нас г-н Н. В рамках гастрольного тура…». Над столом в обрамлении красного дерева висела фотография, на которой хозяин кабинета был запечатлен рядом с Ростроповичем.

После пробного урока лауреат вышел в гостиную, яростно растирая себе ладонями виски.

– Что тут еще скажешь? Ваш отпрыск подлинный талант. – заявил он, стирая пот с красивого лба.

– Неужели?

– Уж поверьте моему многолетнему опыту. Настоящий Давид Ойстах в отрочестве. Такая же уверенная рука, врожденное чувство ритма. Но… надо работать, развивать. Расценки знаете?

Я кивнул и на радостях протянул ему пухлый конверт. – Это аванс.

Он пересчитал содержимое и, по-видимому, остался доволен.

– Будет толк. Бог даст, папаша, мы с юношой еще на международном фестивале или на конкурсе сыграем, дуэтом.

– Только вы уж постараитесь.

– Не извольте сомневаться…

И он постарался, точнее оба они постарались. Два раза в неделю, сразу же после обеда, я снаряжал сына к преподавателю. Возвращался он уже практически перед ужином, едва живой, и не дожидаясь, пока накроют на стол, как был в сандалиях, падал в кровать.

Наконец наступил торжественный момент, когда на мой суд было представлено первое разученное ими произведение – Бетховенская Лунная соната.

– Ну давай-ка, сынку, покажи, чему ты тут научился, порадуй папеньку.

Я уселся поудобнее в кресле, а мой талантливый мальчик откинув волосы назад и прижавшись подбородком к деке приступил к священнодействию.

Едва смычок коснулся струны, как окружающий меня эфир наполнила ангельская музыка. В том смысле, что так, наверное, вострубят ангелы, призывая грешное человечество на Страшный суд. – Уии-уиии-ааа-оооо!

Грозные и гнусавые звуки въедались в мой мозг, откуда по нерву вытягивали душу и кромсали ее на части. – Уиии-оооо!

Где-то на четвертом такте у меня резко поднялось давление, а на шестом категорически захотелось вскрыть себе вены от переполнивших мое сердце тоски, безнадеги и отчаяния.

«– Да уж, настоящий Ойстрах. Нет, пожалуй даже „Ой, страх“, или еще лучше „Ой, ужас“ ...»

Я громко захлопал в ладоши, стараясь, по возможности, заглушить рев пикирующего бомбардировщика. Но куда уж там.

– Может быть, конечно, я чего – то не понимаю! – сказал я педагогу, когда шум в голове подутих и более-менее нормализовался пульс. – А вы точно уверены насчет таланта?

– Точнее не бывает. Все-таки уже полгода наблюдаю за тем, как он творчески возрастает не по дням, а по часам. Такое легато сегодня выдал – блеск. Скажу вам по секрету – Ваш Михаил, он, почти... почти... гений, будущий золотой фонд. Тем не менее, даже в его случае необходимо терпение и еще раз терпение, чтобы раскрыть чакры, расколдововать, так сказать, душу. Для лучшего эффекта раскрытия, кстати, неплохо было бы увеличить нагрузки. Не возражаете, если я подберу для него дополнительное время в среду или в субботу?

«– Что ж, колдуй, волшебник.»

– Ну надо, значит надо. – порывшись в бумажнике, я со вздохом протянул ему несколько красненьких. – Только пусть в следующий раз будет что-нибудь полегче. Полонез Огинского, например.

Через месяц мне представили Полонез. Если прошлым музыкальном вечером мою душу вынимали, то сейчас ее заколачивали обратно в тело, трамбовали грубо и бесцеремонно, пока она, пройдя по пищеводу и перепрыгнув через копчик, окончательно не обосновалась в пятках. Хотя, что там я. Не удивлюсь, если в тот момент сам г-н Огинский беспокойно заворочался у себя в гробу. У меня же на глазах пока лишь только выступили слезы. Возможно, это было то, что называется катарсисом, хотя скорее всего, со мной произошел банальный нервный срыв.

В себя я пришел от звенящей тишины, которую нарушил вкрадчивый голос преподавателя.

– А у нас сюрприз, – сказал он, улыбаясь. – Мы с Мишелем договорились в следующий раз подготовить вам «Сонату ми минор». Не возражаете?

Я поежился и кивнул, – Благодарю...

– Тогда с вас еще двадцать тысяч. Деньги можете отправить на карту...

Но я, увы, так и не услышал Ференца Листа в исполнении будущего лауреата международных конкурсов. Утомившись отстегивать по пять штук за урок, я отвел его в музыкальный кружок при городском Доме культуры и творчества. Пусть там, думаю, дальше талант раскрывается. За пять тысяч в месяц.

После прослушивания моего чада ко мне вышла симпатичная женщина-педагог.

– Не хочу вас понапрасну обнадеживать, – сказала она, нервно подрагивая веком. – Но возможно, я повторюсь – возможно, ваш сын когда-нибудь не слишком сильно ударит лицом в грязь на детском утреннике в школе. Разумеется, если эта школа не музыкальная. Само собой, если он будет при этом долго и упорно упражняться.

– А как же международные конкурсы? – робко поинтересовался я.

Вместо ответа женщина посмотрела на меня с плохо скрываемой снисходительной жалостью, как на умалишённого.

Скрипку я оставил у нее в музыкальном кружке в качестве гуманитарной помощи.

А сына определил в шахматную секцию, при том же Доме культуры. Пока, вроде – тьфу, тьфу – ничего, хвалят...

Сирень цветет

Вот и весна почти уже на излете. Бессаботно улыбаясь радугой, вспыхнувшей после бурного и короткого майского ливня, она передает гражданам свои последние приветы. Еще какая-то неделя, и да здравствует лето красное, золотое, а вместе с ним и черноморский загар, и утренняя зорька, проведенная с удочкой на Пахре, а еще сыроежки, пробки по дороге на дачу и пироги с земляникой.

Но это все потом, а сейчас на повестке дня пора любви, время высоких чувств, бешеных сердечных ритмов и горячих признаний под луной. Все вокруг поет гимны этому прекрасному природному и народному явлению – доносящаяся откуда-то из сквера неувядаемая АВВА, симпатичная девушка с охапкой цветов, соскочившая с подножки автобуса, голуби, ворковущие на тротуаре. Даже городской воздух и тот, кажется, насквозь пропитанnectаром и амброзией, из той бочки, наверное, что щедро расплескали по небесной лазури стаи утомленных сбившихся с крыл амуротов с купидонами. Хотя, возможно, что это так сирень цветет богато.

По бульвару, крепко взявшись за руки, прогуливается парочка. Он и она (если что). Оба молоды, влюблены и безмерно счастливы. Идут они, по всей видимости, без какого-либо дела и целеполагания, просто идут – наслаждаясь жизнью, примерно так, как в поговорке: «Мне куда бы не идти, лишь бы с милым по пути». Пройдясь сколько-то по устланной новой бордюрной плиткой дорожке, они встают на ее распутье, любуясь друг другом и пышно цветущей растительностью.

– Ну что, налево пошли? – говорит, наконец, парень, не сводя светящихся глаз со своей спутницы.

– Тебе лишь бы только налево, как я погляжу. – капризно надувает губки девица и, проявляя настойчивость, тянет спутника за рукав во двор какого-то дома, расположенного по ее правую руку.

– Желание дамы – закон! – уступает ухажер, немного помявшись. – …К тому же, – разглагольствует он, – когда ты идешь рядом с такой красивой и желанной нимфой, то куда бы ни направлялся, ты в любом случае следуешь навстречу своему счастью. Вот шел так бы и шел всю оставшуюся жизнь, честное слово.

– Опаньки, да мы никак предложение пытаемся сформулировать? – кокетничает барышня. – Шучу, конечно. – игриво добавляет она на всякий случай, чтобы раньше времени не вслухнуть фарт, но, все же, не удерживается от обострения любовной игры, – А вдруг словлю на слове, не боишься?

Глаза ее, между тем, глубоки и серьёзны.

– Погоди-ка, – уходит от прямого ответа парень. – Постой, я быстро, сейчас уже…

Молодой человек озирается по сторонам и, присмотрев куст сирени, растущий возле какого-то подъезда, отламывает от его ветвей сразу несколько роскошных гроздей – созвездий, после чего…

– Штааа! Стоять…! – майским громом грохочет что-то поблизости, возвращая влюбленного с небес на гречную землю.

Мгновенье спустя из кустов, словно какая-то фурия, выпрыгивает гневная старушка и преграждает парню дорогу к отступлению.

– Ты чего это удумал тут, подлец, а? – брызжет слюной старуха. – Я тебе покажу, как сирень чужую расхищать… Люди добрые, что это делается-то, а?

Застигнутый с поличным парень растерянно ухмыляется и виновато разводит руками. Старуха между тем приближает свои удивленные зрачки к его лицу.

– Так это ты что ли? Опиять?

Страшно выпучив глаза, бабка переходит чуть ли не на рев. – Признала я тебя, аспид, как увидала морду твою бесовскую, так сразу же и узнала. Давненько тут, смотрю, ошиваешься. Всю сирень мне успел оболванить.

– Вы меня, видно, путаете с кем-то, бабуся, не имею чести…

– Ну да, спутай тебя – попробуй, ирода проклятого, коли ты вторую неделю, почитай, сирень мою каждый день чекрыжишь. Что твой козел в огороде. А вот как сейчас милицию позову…

– Ты, бабка, мыла объелась что ль с утра? – парень потеет, улыбка медленно сползает с его лица, уступая место если не испугу, то замешательству. – Я вообще случайно тут оказался, мимоходом. Ну подумай, что я у вас забыл, да притом каждый день еще?

– А-то сам будто бы не знаешь, чего забыл, – хитро скалится бабка, напирая грудью на врага. – Ленку с третьего подъезда забыл, вот чего. Сирень уже, почитай, всю обкорнал для лахудры своей. Только растительность, между прочим, не для ваших с ней амуротов высажена. Деньги за нее, между прочим, были плочены, и немалые. Триста рублей, помнится, у метро отдала, с пенсии-то.

– Я, я пойду, пожалуй, – неуверенно говорит резко побледневшая девушка и пятится назад. Глаза у нее становятся испуганными и влажными, голова прячется где-то между съжившимися хрупкими плечиками.

– Погоди! – умоляюще хватает ее за руку парень. – Я с тобой.

Но бабка с ловкостью дикой кошки снова встает у него на пути.

– Значит побоку Ленка теперь? Быстро, гляжу, у молодых энто дело нынче делается.

– Ты чего мелешь, старая, какая к лешему Ленка? – шипит на нее красный, точно пион, супостат.

– А такая Ленка, с животом которая, на нос которой ей смотрит уж, забыл нешто?

– Оставь меня. Да пусти ты, тебе я говорю! – не выдерживает девица и едва сдерживая рыдания, пытается высвободить руку. Парень изо всех сил сопротивляется.

– Ты что, не видишь разве, какую чушь она несет? Она из ума же выжила! Кого ты слушаешь?

Девушка замирает, не то в сомнениях, не то в отчаянии. Обливший девушку контрастный душ, из радости, превратившейся за какую-то минуту в трагедию, делает ее тело ватной и безучастной. Она стоит, слабо шевеля губами.

– Это я-то чушь? Не верь ему дочка, не верь прохвосту энтуому. У меня глаз – алмаз. Мимо оброненного в траве червонца не пройду. А вообще-то мне ваши с Ленкой шашни до лампочки, – продолжает бабка, вцепившись парню в рукав. – Это дело ваше, персональное, молодое. Ты мне за сирень лучше ответь.

Бабка смотрит на потрепанный куст сирени и, качая головой, причитает – Уже и цвет-то с нее сошел почти, а энтов все равно ходят тут, понимаешь, и ходят. У самого денег куры, поди, не клюют, а он все туда же, на дармовщинку перед девками своими хвост пушит, халявщик, тыфу!

– Ну что ты прицепилась-то ко мне, ведьма, а? – едва ли не рыдает парень. – За квартал теперь буду вас обходить, честно. Какого от меня тебе надо еще? Впрочем, постой, – воодушевляется он, вспомнив старый, как мир, метод. – Может так разойдемся…?

Парень, приняв решение, хаотично хлопает себя по карманам и вынимает тысячу рублей.

– Штуки тебе в качестве возмещения хватит? Мало? На, на… тут у меня еще есть, возьми, не жалко, – достает он из разных мест несколько купюр помельче. Только уйди уже куданибудь, исчезни.

Бабка презрительно смотрит на деньги, потом на парня, и, после паузы, укоризненно покачав головой, кладёт их в карман своего плаща.

— Лаадно, чего уж там, — заметно смягчается старушенция. — Кто старое помянет. Но только чтоб у меня ни-ни больше. Ни-ни, понял ты?

— Конечно понял, бабуся, какой разговор, — лебезит обрадованный парень, после чего смущенно мнется. — Только насчет Ленки вашей... Это, как бы, не я так ее, — уточняет он, скосив затравленный взгляд на свою спутницу.

— Да нууу? Хотяяя... Может и впрямь, не ты это с ней греховодишь, — задумчиво говорит бабка, окинув молодого человека прищуренным взглядом. — Тот мерзавец вроде и в плечах покрепче и рослее тебя будет. И волос у него темный совсем. Не то что твой — солома. Ну да, теперь я и сама вижу, не ты энтов Ленкин хахаль, факт. Знаю, что говорю. У меня ж глаз-алмаз.

— То-то же... Слышишь, не я это с Ленкой? — парень радостно хватает девицу за плечи. — Не я это Ленку... представь себе...!

Убедившись, что справедливость восстановлена, он с благодарностью жмет бабке руку и поспешно ретиуется, сгребая в охапку свою живую спутницу.

Бабка пристально смотрит им вслед, пока фигуры влюбленных не скрываются за фасадом пятиэтажки, после чего кряхтя присаживается на скамейку.

— Ишь, повадились тут черти окаянные сирень ломать, — удовлетворенно бурчит она, пересчитывая сегодняшнюю выручку. — Чего энто за бумажка, сотня, что ль? Замусоленная какая, не поймешь сразу. Да уж, глазами я последнее время ослабла что-то — факт. Жировку тут за свет принесли, а я подумала, что реклама, чуть было в мусорку не бросила. Вчерась же и вовсе не смешно вышло. Супостата, навроде этого, за сотню рублей всего-то простила. Обозналась виши ли, с пятисотенной деньгу его перепутала. Морковки погрызть бы мне того... не мешало. В ней, говорят, энтов, каротин есть. И тогда ого-го! Держитесь у меня, прохвосты, меньше чем за тысячу никому не спущу. А то ходют тут, понимаешь, и ходют, ходют и ходют...

Его ребенок

У Генерального директора «РемСнабСтрой» Игоря Николаевича Пучкова вышла из декрета секретарша. Появилась она в офисе на шпильках и в открытой блузке, величаво прошлась «от бедра» по коридору, цепляя на себя репейные взгляды сослуживцев и отражая молниевые разряды сослуживиц. Весь ее вид свидетельствовал о том, что ни одно ни другое ее сейчас не беспокоит.

Заметив Пучкова, она впервые за все время улыбнулась, после чего, приблизив свое фаянсовое лицико к его переносице, сказала ехидно прищурив глаз.

– Не желаете ли с наследником познакомиться, Игорь Николаевич? Решайтесь – не пожалеете. Посмотрите хоть, какой задорный карапуз получился, в папика весь. И тут еще такое дело, – добавила она, по-хозяйски поправляя на начальнике галстук. – Раз ответ на вопрос «Кто виноват?» вам теперь ясен, то может быть озадачитесь тогда на тему «Что делать?». Это я в том смысле говорю, что памперсы уж больно нынче «кусаются».

У Генерального от такой новости упала челюсть и подпрыгнула температура. Он стоял, вытянувшись в струну перед молодой нахалкой и молча разевал рот, не находя чем крыть. Да и что тут, собственно, возразишь, коли рыло все в пуху. Нечего самому греховодничать было, блуд чесать. Легко сказать, как будто у него был выбор. У Алены фигура, улыбка и молодость, у Пучкова же средний возраст и бес в ребро.

– Что же вы молчите Игорек Николаевич? От счастья задохнулись? Так выдыхайте живей, пока я с женой вашей этот вопрос не обсудила. В общем, думайте, папа, думайте… до понедельника.

Перед схватившимся за сердце «папа-данцем» черным по белому замаячила перспектива жизни на две семьи со всеми ее прелестями. Где основная прелесть заключалась в том, что Пучкову теперь, что ни на есть – судьба на Аленкином крючке вечно болтаться.

«– Вот ведь подłość-то какая, – думал Пучков, вытирая со лба холодный липкий пот. – Сегодня эта мерзкая шантажистка денег захотела, а завтра что ей в голову взбредет? Ключи от квартиры попросит? А там, глядишь, еще заявит: „Давай, мол, совсем ко мне перебирайся“.

Постой, а не дешевле ли выйдет, до понедельника, самому жене во всем признаться, с повинной явиться, так сказать? Глядишь, если не под амнистию попаду, так хоть „за чисто-сердечное“ поблажка выйдет. Супруга у меня женщина хоть и гордая, но великодушная, расстроится, конечно, в близости откажет эдак до весны, но не погонит скорее всего. Ради наших детей, во всяком случае, не выгонит.»

Он живо представил себе их мелкую – Машку – «Любимица всей семьи, такая из себя чувствительная, ранимая. Как вскинет на него свои влажные, проникновенные точно у молодой косули глаза, так хочешь – не хочешь, а на айфон новый раскошелишься. А еще она зверушек всяких жалеет, кота вон позавчера с помойки приволокла вшивого. Вечер напролет в голос выла, пока этому мурлу в коридоре не постелили. Игнат, тот вообще его особая гордость – круглый отличник, почти, что уже медалист. Весь в него, тот же технический склад ума, такая же отцовская обстоятельность. В Бауманку сейчас усиленно готовится, в армию чтобы не загреметь. – От мыслей о детях по телу Пучкова прошла приятная теплота. – Семья – вот что самое ценное в жизни. Пора завязывать с этими своими амурными приключениями. Хватит – нашлялся вдоволь за двадцать-то лет, вон до тяжких телесных последствий додуялся уже.»

Вечером Пучков не спешил домой. Точно кот, застуканный у банки со сметаной, он боялся переступить хозяйский порог. Ему казалось, что домашние про него все уже знают, или по крайней мере, догадываются. На улице давно зажглись фонари, а он, досаживая вторую пачку Кэмела, сидел перед домом на лавочке, тер виски и думал, думал.

«— Ну и как жене обо всем рассказать, какими словами объяснить, — вопрошал себя Пучков вытряхивая из пачки последнюю сигарету. — Так чтобы и пожалела меня и простила. Даже представить себе жутко, какой шок вызовет у этой глубоко нравственной женщины вся эта грязь и мерзость, которую он перед ней выложит. Она ведь так беззаветно ему верит. После ночных гулянок не обнюхивает, по карманам в поисках компромата не шарит. И тут я ей — получите, не благодарите. А ну, как сердце еще не выдержит? Нет, только не это, должно же быть иное средство, как-то урегулировать этот скверный вопрос.»

Однако других решений, кроме того, как сдаться на милость жены или секретарши, он не находил. И вот, когда мужчина уже был морально готов подкинуть монетку, его, наконец, осенило —

«Слушай, а может быть младенец и не твой вовсе? — ударила себя по лбу Пучков, удивляясь тому, как такая простая мысль не пришла ему в голову изначально. — Мало ли с кем эта цыпа тут помимо тебя якшалась. Ты же сам видел, как ей Супрунов цветы дарил, без всякого повода. А не помнишь разве, сколько раз она поутру из Ауди юристконсульта выпрыгивала? Вот будет номер, если она от кого-нибудь другого понесла, а в „счастливые отцы“ тебя — Пучкова определила.»

Как утопающий за соломинку он уцепился за одолевшие его сомнения, вылившиеся в итоге в весьма интересный и настолько же коварный план.

На следующий день он отправился к Алена в гости, якобы с тем чтобы полюбоваться на своего новорожденного дитя и заодно обсудить условия капитуляции.

«— Вроде похож, — задумчиво вертел он вещественное доказательство своего преступления. — Такая же горбинка на носу, такие же редкие волосенки. Или же, все-таки не очень? Плечи, понимаешь, узковаты. Да уж, сложна задачка, сам черт не разберется. То ли дело у зверушек — понюхал под хвостом и порядок. А в целом похож, похож конечно, определенно похож... но не очень...»

Убедившись, что эмпирическим путем ответа на свой животрепещущий вопрос он не получит, мнительный папаша приступил к активным действиям.

Улучив минутку, когда Алена вышла в коридор провожать няню, Пучков достал заранее припасенные маникюрные ножницы, и (Ну, с Богом!) воровато отхватил ими с темени младенца жиденькую кучерявую прядку. — «Как-то так, братец, ты извини уж...»

После того, как главное дело сегодняшнего вечера было сделано его уже ничего не держало в доме своей бывшей пассии. Пучков, кисло-сладко улыбаясь, показал ребенку «козу» и оставив на столе недопитый чай, униженно откланялся с обещанием озвучить окончательное решение «на той неделе».

Гарантировано установить отцовство в наше просвещенное время, как известно, проблемой не является, было бы только желание, ну и, разумеется, деньги. И того и другого у Пучкова хватало в достаточном количестве.

Все неделю, пока готовилось заключение по генетической экспертизе, он ходил окрыленный надеждой, поглядывая с лукавым смирением на шантажистку.

«— Вот будет хохма, если вдруг окажется, что не мой, — вдохновлял он себя. — Коли ребенок чужой, тогда вообще не о чем тут рассуждать. Я не я и кобыла не моя. Пусть тогда любодейка с прицепом хоть обзвониться жене вместе со своими нелепыми притязаниями. Буду твердо стоять на своем — Ничего не знаю, ничего не ведаю, навет и точка, происки какой-то гуляющей девки, интриги подковерные. А если совсем прижмет — зайду с козыреи и тест выну.»

После таких мыслей настроение у него поднималось. Он розовел, распрымлялся и принимался кушать с удовольствием.

В среду ему позвонили из лаборатории и пригласили явиться за результатами. Пучков, забыв про все на свете, сорвался с ответственных переговоров и помчался, сломя голову, в медицинский центр.

Через полчаса он уже держал во влажных ладонях заветное заключение. Сточки так и прыгали у него перед глазами. Наконец сделав над собой невероятное усилие, он зачитал приговор: «...Отцовство Пучкова И. Н. не установлено. В представленном биологическом материале предполагаемого отца обнаружена хромосомная аберрация в виде синдрома Клейнфельтера (47, XXY). Предварительный диагноз – стопроцентное мужское бесплодие...»

– Это ж как же оно так! – Пучков стоял прибитый и пыльный, как будто бы на него только, что рухнул потолок. – Это куда же оно это...

Он упорно перечитывал и перечитывал последнюю строчку, но результат, тем не менее, все равно оставался неизменным – сто процентов выстрелов, произведенных Пучковым за двадцать с лишним лет его похождений, были «в молоко». Ему хотелось скнуть от бессильного желания что-то исправить, и рычать от глухой злобы на весь мир одновременно. Среди обрывков несвязных видений и невнятных образов у Пучкова мелькнула издевательская по степени своей несбыточности мысль – «Уж лучше бы это был его ребенок» ...

Стыдно-то как

I

Хорошо иметь свой домик в деревне. Лес, речка, свежий воздух, а в придачу ко всему этому благоденствию – необязательность ношения галстука, смешливые, застенчивые селянки и, что совсем немаловажно, настоящий деревенский самогон равно, как и прочие, согревающие душу, дары природы. Ну и чем, скажите, не благодать?! Правда с одним небольшим, но достаточно жестким «однако». Если это строение мечты находится в относительной досягаемости от твоего постоянного места дислокации. А вот когда оно приютилось у черта на рогах или даже где-нибудь далеко за оными (как у меня, например), то тогда, из всех вышеозначенных благ, по гамбургскому счету, актуальными для тебя остаются лишь дары природы, которыми ты в свои редкие вылазки на природу запасаешься аж на полгода вперед. Все остальные впечатления от «красивой жизни» напрочь выветриваются из твоей очумевшей головы после героического автопробега по местному «бездорожью и разгульдяйству», а также по итогам последующего восьмичасового бдения в одной огромной пробке под названием Треклятая Владимирка. Набраться же новых ощущений тебе удастся, ах как не скоро, ибо четыреста км это, как ни крути (баранку) – все те же четыреста км.

– Ну и зачем же брал-то тогда его, касатик? – возможно поинтересуешься вы у меня.

– В том то и оно, что не брал, от бабушки перепало. Избавиться же рука никак не поднимается, память все – таки светлая о бабуле, плюс, как я уже говорил, самогон в тех краях отменный. Сколько ни возьмешь – всегда мало.

В общем, надеюсь, с бонусами обладания избушкой в деревне мы кое-как разобрались. Минусы же ее это все остальное, а в первую очередь постоянная головная боль, как бы крыша не протекла, проводка не коротнула или местные Индианы Джонсы не экспроприировали бы чего-нибудь, сочтя твое имущество бесхозным.

Впрочем, мне еще как-то повезло, можно даже сказать, откровенно повезло. У меня под рукой всегда есть дядя Коля. Дядя Коля – это, кому интересно, ближайший мой сосед, стоящий на страже моего сельского благосостояния. У нас с ним с первых дней знакомства сложилось некое негласное правило или же, другими словами, заключился эдакий Пакт: «О преследовании взаимных интересов на базе обоюдного глубокого уважения».

Я, вроде как негласно, взял на себя обязательство обеспечивать его нехитрые запросы московскими поставками, он же, от широты своей великорусской души, абсолютно гласно, я бы даже сказал – громогласно, пообещал стеречь мое богатство от посторонних посягательств, оберегать его на совесть, а если уж быть совсем близким к тексту, то словно личную собственность.

– Как свое буду бдеть! – заявил он, ударяя себя в грудь. – Вот ежели наша слободка полыхать, ик.... начнет, я сначала твой дом пппотушу, Сан...ек, а потом уже у себя завалы разгребать стану. Так-то вот!

От этих его слов я настолько растрогался, что сразу же выдал ему запасной ключ от своего дома, новый мобильный телефон для экстренной связи, и только уже потом налил ему еще одну сотку.

Время, конечно, не пощадило дядю Колю. При своих шестидесяти с лишком годах, выглядит он на все восемьдесят. Ходит он всегда в одной и той же свалившейся, перештопанной телогрейке и кирзовых сапогах, как зимой, так и летом, и только когда уже сверху совсем печет, надевает картуз. Лицо его распухло от укусов местной мошки и дешевого стекло-

очистителя, который автолавка почему-то развозит по деревням с наклейкой «Московская», отчего дяди Колина голова кажется непропорционально большой относительного его тщедущего и скрюченного тела. Но при всей своей отнюдь не шоколадной жизни он как-то умудрился сохранить невредимыми и ровными все, дарованные ему природой, тридцать два зуба. Дядя Коля улыбается – Том Круз лопнет от зависти. Генетика, однако.

А взгляд? Какой у дяди Коли пронзительно-многозначительный взгляд! Простецкий и одновременно изучающий лукавый такой прищур, как бы говорящий тебе: «Ну да, дурак я, деревенщина, что с меня ишши взять! А вот с тебя, мил человек, я завсегда сорву ужо чего-нибудь, а ежели не сорву, то хоть попробую, даже не сумлевайся.»

Живет дядя Коля вдвоем с матерью – бабкой Аней – древней, но все еще крепкой старухой с командным голосом и вечным шерстяным платком, обмотанным вокруг мощной кряжистой поясницы. Обитают они в старом пятистенке, когда-то приютившем под своей крышей большую семью Ивашкиных. Со временем почти все ее члены разбежались по разным сторонам света в погоне за лучшими условиями жизни, кроме тех, кто подался в совсем уже комфортный мир, разумеется. Жена ушла от дяди Коли еще лет тридцать тому назад, когда он пятерку свою первую разматывал, отхваченную то ли по своей глупости, то ли по ментовскому беспределу, а больше он так и не женился. Не смог он «простить женскому полу ихнего злобного коварства». Дети дяди Колины тоже почитай забыли, как их биологического отца зовут, городскими стали давно, гордыми. Последними, лет пять уж как, сестра с мужем с насиженного места сорвались, в районный центр подались, к паровому отоплению поближе.

– Ну чего на этот раз, насовсем к нам, али как? – задает он мне два раза в год свой коронный вопрос, выковыривая сучковатыми желтыми пальцами дешевую папиросу из отворота дырявого картуза.

– Али как, – говорю я. – На выходные. Грибы, рыбалка, шашлычок, и бегом назад. Работа, она понимаешь, ждать не будет.

– А добра-то, добра, ешкин кот, как будто на всю оставшуюся жисть навез. – язвительно замечает он, приидирчиво рассматривая тюки и коробки, доставаемые мной из багажника.

– Запас кармана не тянет. Кстати, тут набор блесен тебе где-то был, потом еще новые дворники для твоей девятки и сноторное для бабы Ани. Ну и так, из продуктов всякое-разное по мелочи. Эй, а почему это я не вижу ее платка в дверном проеме?

– Нету мамочки у меня боле, – говорит он и осекается, подавившись дымом. В углу века у него блестит слеза.

– Да ты что? Как же оно так? Вот тебе и новость!

– …В райцентр уехала намедни, к сестре – пособить картоху покопать. Сказала, раньше Покрова и не ждать даже, – откашлявшись, продолжает он.

– Уф… Ну ты это, поосторожней там с выражениями, Цицерон доморошенный! А то я уж подумал, грешным делом, что даром я бегал по аптекам полдня, не в каждой еще такое зелье без рецепта отпустят…

Разгрузившись, мы, навьюченные, идем в дом. Дядя Коля, словно охотничья собака, обязательно трусит впереди, как бы показывая мне верное направление. В пути он постоянно обворачивается и приговаривает при этом.

– Все на месте, можешь даже не проверять, ставни, вишь, на месте, провода алюминиевые тоже тут, коврик резиновый, смотри. У меня, брат, того, кошка без спроса не проскочит.

Заходим в горницу.

– Ну? – гордо вопрошает дядя Коля. – Все на месте? Ведра, керосинка, телевизор «Рекорд»? Есть какие вопросы по сохранности имущества? То-то, Саня, мимо меня и мышь не проскочит.

«– Да уж, все на месте, вон прибавилось даже, – мысленно констатирую я, заметив кучку пепла на новой скатерти.»

— Лютая зима была нынче. — воодушевленно делится новостями сосед, как бы не замечая моего хмурого взгляда. — Да! Мороз под сорок через день. Слыхал по радио, следующая и того хлеще будет? Так что дров тебе подкупить бы надобно, паря.

— Незачем, дядь Коль, у меня, вроде, и без того кубов пять в запасе было.

— Так-то, когда оно было-то, Сань?

— Прошлой осенью и было, а я с тех пор не приезжал ни разу. А на что ты мне тут подобным образом намекаешь? — настораживаюсь я. — Пяти разве мало что ль?

— Зима лютая была шибко. Ну я и того... подтапливал.... Помаленьку, конечно. Тебя, не себя в смысле, подтапливал, — поспешно уточняет дядя Коля, заметив мое замешательство.

— Так ведь я же не просил!

— Просил — не просил. Зима была лютая, говорю ж. А дом деревенский он что? Он вымогараживаться любит. Дому, Саня, как людям, продух нужен. Вот я печку потоплю, он и подышит покуда.

— Хочешь сказать, блин, что ты все мои запасы на продух извел, тимуровец недоделанный!

— Нее, не все, — хитро улыбается он, — Куба полтора остался ишшо. Вот я и говорю об том, дров подкупить бы тебе надо.

Я шарю взглядом по полкам, почувствовав неуемное желание пригубить чего-нибудь. — Дядь Коль, тут где-то бутылка, начатая стояла. Ты случайно не в курсе, куда она подевалась, а?

Дядя Коля начинает усиленно озираться по сторонам, хлопать дверцами антресолей, даже под лавку заглядывает.

— Нее, не было, — говорит он преданно глядя на меня. — Три звездочки, которые что ли? Точно не было. Я бы такое завсегда запомнил. У меня, знаешь, и блоха не проскочит.

— Я чего беспокоюсь-то, — решив пошутить, говорю ему я, вспомнив рассказ Толстого «про сливы». — Там не коньянк, там отрава крысиная была. Не дай Бог если что, отвечай потом...

— Какой яд? Ты, об чем это, Саня?! Нормальный коньянк там был, хотя водка, по мне, все равно лучше, — простодушно ведется на провокацию дядя Коля.

— Ну раз так, то давай-ка по маленькой, — смеюсь я и достаю из сумки «Пять озер», купленные по дороге в райцентре. — А, дядя Коль? ... Дядя Кооляя!

Оборачиваюсь — нету дяди Коли.

Через две секунды он уже появляется в обнимку с банками, в одной руке помидоры, а в другой соленые рыжики.

Деревенский отдых начинается.

II

В прошлом году я открыл сезон не в августе-сентябре, как обычно, а в конце мая. Впрочем, ничего удивительного, до этого я там и вовсе года два не появлялся. А чтобы лучше понять — «почему», вам следует еще раз перечитать начало этой истории.

Как бы то ни было в тот раз я едва-едва нашел свою избушку, утонувшую в лабиринтах вовсю цветущей сирени и только-только занимающегося чубушника. От обилия запахов кружила голова. Благодать! Продравшись сквозь заросли крапивы и чертополоха с одуванчиками, я, наконец, вышел к своему крыльцу. Тронул дверь — не заперто.

«— Странно, вроде закрывал на все засовы в последний раз. Неужели дядя Коля стал манкировать своими обязанностями, и какой-то нахал у меня вынес ... Интересно, чего бы такого у меня можно было бы вынести? Эх, дядя Коля, дядя Коля!»

Стараясь не скрипеть половицами, я вошел в горницу и сразу же увидел мужичка, свернувшегося калачиком на лавке, в котором, хорошенько приглядевшись, я узнал своего соседа. Дядя Коля — такой маленький, щедушный, и лавка такая длинная-длинная, настолько длин-

ная, что на ней хватило бы места еще для одного дяди Коли и уж тем более для какого-то там автомобильного аккумулятора, стоявшего у дяди Колина из головья. К клеммам аккумулятора были присоединены два провода, по ним переменный ток из моей розетки поступал прямиком в свинцовые пластины соседского оборудования. В доме висела тишина, которую нарушало только надрывное гудение моего электрического счетчика и беззаботное сопенье хитроумного селянина.

Меня настолько удивила и умилила эта картина, что я невольно рассмеялся и захлопал в ладоши, отдавая должное сообразительности своего соседа.

Дядя Коля при этом заворачался и, расслабленно подняв голову, оцепенел. Блаженная улыбка потихоньку сползла с его счастливого лица, уступая место вселенскому ужасу, вполне оправданному, разве, если бы он только что увидел перед собой настояще привидение. Дядя Коля, теперь уже нисколько не сомневаясь в неладном, резво вскочил и беспомощно замахал перед моим носом руками.

— Черт, черт… черт…

— Да не черт это, дядя Коля, не бойся. Я это всего лишь… пока. На выходные вот решил к вам. Здрасьте, как говорится!

Понимая, что пить боржом уже поздно, дядя Коля, тем не менее, принял судорожно дергать за клеммы самодельного зарядного устройства. У него все выпадало из трясущихся рук, но он все равно продолжал что-то там откручивать, пока, наконец-то, не сверкнула молния и после громкого хлопка дыхание счетчика не остановилось.

Отброшенный ударной волной на пол, дядя Коля неловко выругался и, обхватив свою косматую голову, захлюпал.

— Стыдно-то как, … итить его, Саня! — простонал он. — Скажи мне еще вчера, что сотворю такое — в морду бы дал. Да я бы сам ни в жисть. Хоть расстреливай. А тут… Даже не знаю. Прямо, как будто это не я был, чесслово. Веришь?

— Да верю, я, дядь Коль, верю, успокойся. Ну чуточка нехорошо вышло. Подумаешь. Вопрос-то ведь пустячный. Не больно хоть?

— Да откуда я знать-то мог, бляха муха, что ты нынче приедешь? — продолжал оправдываться дядя Коля, схватив себя за стоящие колом волосы, — Откуда?

— Об этом-то и речь, — пытался утешить его я. — Откуда? А, следовательно, абсолютно не твоя вина это, это форс мажор с тобой такой приключился, недоразумение. Давай-ка лучше выпьем за встречу.

Я, пошарив по сумкам, достал Аарат и растаявшую от долгого лежания в кармане половинку сникерса.

— Как скажешь. Но ежели без обид токмо.

— О чем ты, дядь Коль, какие тут обиды? Вопрос то пустячный. Ты же мне… ты же здесь ведь не…, — я стал озираться по сторонам своего убогого жилища, пытаясь придумать потраву, которая могла бы в моих глазах оказаться «существенной». Не представив себе таковой, я сказал, что первое пришло мне на ум. — Ты же ведь случайно это все, да?

— Еще как случайно, мля!

— Ну раз так, то давай по второй…

«Отпущение грехов» закончилось, когда с речки уже вовсю тянуло вечерней сыростью, а дяди Колина коза сама прискакала домой, волоча за собой веревку с колышком, и дерзко заорала на него простуженным басом, требуя вечерней дойки.

На следующий день, едва стала заниматься заря, раздался настойчивый стук в мое окошко.

— Саня, Саняя, спиши ты что ли там ишшо?

— Ужо нет. — раздраженно ответил я, одной рукой отворяя створку, а другой яростно потирая себе глаза. — Ну, чего тебе еще, неутомимый?

— Молочка вон принес, утешнего, — протянул он мне пол-литровую не очень чистую банку, из которой невыносимо несло ядреной козлятиной. — Из-под титек тока-тока. А вообще... стыд-то какой! А? Ты уж надумал, поди, обо мне невесть что, да?

Я только сонно махнул рукой.

— А я... это, ты учти, это ведь не нарочно я. У нас электричество вчерась с утра — бздык и упало! Пока электрики туда-сюда. Потом обрыв в Волковичах пока нашли. Пока то-да-се, а мне ехать-то надо, сам понимаешь, Саня. Ну я и того, черт дернул.

— Вот теперь все на свои места, наконец-то, встало, прямо камень с души упал, — ухмыльнулся я, не став уточнять, что моя халупа запитана от той же линии, что и его. — Тогда, конечно, совсем другое дело. Тогда вообще все в порядке.

— Стыдно мне что-то, — косил он своим лукавым взглядом в сторону стола, где красовались следы нашего вчерашнего застолья.

— Перехватив его взгляд, я экстренно наполнил ему стакан Аракатом где-то на треть.

— А, вот так если?

— Так-то оно получше, конечно, но все равно стыдно ишшо.

Чтобы закрепить его душевное исцеление, я дал ему с собой остатки вчерашней бутылки.

Тем не менее муки совести у дяди Коли продолжались все выходные. Он приходил ко мне с покаянием по утру, приходил жаловаться на себя в обед, не забывал он, впрочем, заглянуть, бия себя в грудину, и к ужину. Каждый раз он не откланивался до тех пор, пока его душевная травма полностью не зарубцовывалась.

На прощанье я вручил ему две бутылки Столичной. Для профилактики.

III

И вот на днях, совершено неожиданно, раздался звонок.

«— Дядя Коля? С чего бы это он вдруг, неужели стряслось нечто ужасное. Лето нынче такое — жара, сушь кругом, а там еще торфяники всякие...»

— Здоров, Саня. Тут, значит, такое...! — похоронным голосом начал он.

— Чтооо? — похолодело у меня внутри от тяжелого предчувствия. — Ты не тяни давай — выкладывай. Совсем я сгорел что ли? Напрочь? Или хоть что-нибудь осталось?

— Да нее, стоит твой дом, чего будет ему. — ответил дядя Коля и замолчал.

— Ну тогда, как у вас там жизнь, все ли здоровы? — успокоившись, спросил я, чтобы поддержать не особо складывающийся разговор.

— А чего им будет-то. Баба Аня, вон, тебе кланялась, Машка — коза наша, давеча на левую заднюю захромала, а Петруха тут воот такую щуку вытянул на живца. Правда, упустил сразу же, балбес. Дааа...

После чего в эфире снова установилось неловкое и тягостное молчание.

— Маслята, вона, пошли, — откашлявшись продолжил, наконец, дядя Коля. — А сам-то ты как, скоро ль к нам, аль нет?

— Не знаю даже, что тебе сказать — дел вокруг до чертиков.

— Выходит не ждать нам тебя в выходные?

— Нет, не в этот раз.

— Точно решил? — никак не хотел униматься дядя Коля.

— Двести процентов, нет — двести пятьдесят, наверное.

— Экая жалость.

— И не говори...

Не успел я попрощаться с дядей Колей, как сразу же замечтался, представив себе начинаящий рыжеть лес с вечно зелёными вкраплениями хвойника, и там, под каждой под сосной —

они родимые, со ржавыми сопливыми шляпками и налипшими к ним прошлогодними иголками!

«— Слушай, а может быть зря я вот так категорично? — подумалось мне. — Все-таки сезон, маслята, а то, когда теперь в следующий раз придется выбраться? —

Взвесив мысленно в одной руке лукошко с крепкими душистыми маслятами, а в другой папку с незаконченным отчетом, я окончательно понял, что корзинка с маслятами существенно перевешивает. — Ну да ладно, гулять так гулять, где наша ни пропадала.»

На следующее утро мой внедорожник уже вовсю отмеривал километры по Владимирскому тракту. И вот немного за полдень, уставший, покрытый изжелта-серой коростой Паджерик на всех парах вырулил во двор моего сирого дома.

Не успел я заглушить мотор, как из — за березовой поленница выскочил, словно черт из табакерки, дядя Коля и, с ужасом на лице, встал на моем крыльце, подперев своей ледающей спиной входную дверь.

— Стой, не надо тебе туда. Нехорошо там сейчас, Санек, неладно...

— Скажешь тоже, мне дома всегда хорошо, тем более с такой дороги.

— Да? А с чего это ты тут вообще, а? — обиженно вставил руки в бока дядя Коля. — Сам сказал же вчерась, что не приедешь.

— Считай, что я тебя обманул.

Устав препираться, я аккуратно отодвинул дядю Колю и вошел в дом. И сразу же застыл, усиленно хлопая ресницами, ввиду открывшейся моему взору эпической картины.

На столе, на лавке, на полу — всюду рядами стояли аккумуляторы, один больше другого, аккумуляторы были от легковушек, от ЗИЛов и КамАЗов. Мне показалось даже, что я узнал один агрегат от «Белоруси», что принадлежал Михалычу из соседней Темьяни.

Стоит ли говорить, что остаток того дня, а также весь день следующий, дяде Коле было невыносимо стыдно, как никогда, стыдно...

Режиссер

В областном драматическом театре на часах пробило девять. Несмотря на раннее время, единственный алтарь храма областной Мельпомены не пустует. По сцене бродят и позевывая бросают в зал реплики не совсем еще проснувшиеся и «отошедшие от вчера» актеры «в штатском», что пытаются из последних остатков сил давать Чеховскую «Чайку». На дверях снаружи зала висит табличка – «Тихо идет, репетиция».

В первом ряду, елозя, словно под ним не кресло, а муравейник, сидит, судя по всему, сам режиссер – полный нескладный человечек с перекошенным, давно не бритым лицом. В мокрых от возбуждения ладонях у него зажат пластиковый стаканчик с давно остывшим кофе, который ему с полчаса назад на цыпочках принесла ассистент.

Наконец режиссер, не выдержав, вскакивает и обрушивает свое раздражение на актрису, играющую Ирину Николаевну Аркадину.

– Евгений Сергеич, кто из нас с Машей моложавее? – передразнивает он ее. – Ну чего вы так приступили к бедному Евгению Сергеевичу, словно бандит с ножом – кошелек или жизнь? Не напористо, а утомленно надо такие вопросы задавать, нехотя даже. Учтите, Вы хоть и потрёпанная, но все-таки еще красавица, известная актриса, уставшая от внимания светская львица. Уж попробуйте как-нибудь представить себе такое. И спрашиваете вы его, для проформы, из учтивости как бы позволяя ему собой восхищаться. Давайте все сначала.

Ирина Николаевна Аркадина вспыхивает, отчего ее бледное одутловатое лицо делается в разы симпатичней и свежее, и начинает от печки.

– Станем рядом. Вам двадцать два года, а мне почти вдвое, – обращается Аркадина к исполнительнице роли Маши, потом ищет глазами актёра, играющего доктора Дорна. – Евгений Сергеич, кто из нас моложавее?

– Вы, конечно, – хмуро отвечает он ей, не сводя алчущего взгляда с бутылки Ессентуков, почивающей в руках ассистента режиссера.

– Вот-с... а почему? Потому что я работаю, я чувствую..., – тараторит Аркадина, как бы стремясь поскорее уйти, как можно дальше, от той треклятой сцены, где ее постигло фиаско.

– И куда вы так торопитесь, милочка, у вас дома что, дети голодные ждут, утюг оставили включенным? – никак не успокаивается режиссер. – Вы дайте по мне такой энергетический залп, так окатите, чтобы меня проняло, чтобы с чувством, с толком, с расстановкой.

Аркадина, втянув выступившие было слезы, обратно в глазницы, уже степенно продолжает.

– ... Я... я, значит, чувствую. ... Я постоянно в суете, а вы сидите все на одном месте, не живете...

Несмотря на все старание выпрыгивающей из водолазки Аркадиной, режиссер все равно остается недовольным. Он кривит рот и наконец срывает свое недовольство на осветителе.

– Ну что вы мне все светите на ноги, – взрывается он, – Вся сцена происходит там, наверху, а не в партере. И вообще приглушите свет пока. Не на что там еще смотреть. Потом, потом сможете прибавить. Не сейчас. Ясно вам там?

На какое-то время режиссер затихает, в зале слышно только действие, происходящее на сцене.

Но спустя пять минут он снова не выдерживает.

– Стоп, стоп. Ну где, где ваша небрежность, где эта, как ее, холодная снисходительность, – замотав головой кидается он на Аркадину, которая тем временем дискутирует с управляющим имением своего брата насчет того, чтобы тот выделил ей выездных лошадей.

– Что я вижу! Вы как будто заискиваете перед Шамраевым: «О, дайте, дайте мне лошадок, ну что вам стоит, дяденька». Тыфу. Можно со стороны подумать, что вы никому не известная

актрисулька, а он какой-нибудь промышленник с мировым именем. И вы у него просите, даже не знаю, что просите – пароход, по меньшей мере. Вы звезда и, ко всему прочему, сестра его хозяина. И вам надо ехать в город. Вы персона, а он так, не пойми что. И вам плевать, где он раздобудет для этого лошадей. Пусть хоть сам в тарантас впряженется. Все ясно?

Аркадина, кусая, чтобы только не расплакаться, губу, кивает.

– Еще раз. Поехали.

Шамраев набрав побольше воздуха в легкие рычит. – …Гм… Это великолепно, но на чем же вы поедете, многоуважаемая? На каких лошадях, позвольте вас спросить?

– На каких? Почем я знаю – на каких! – нарочито медленно цедит слова Аркадина, высокомерно пожимая плечами.

– Ну что это.... Ну что вы там совсем уснули, любезная, что ли? Живее, живее произносите свою реплику, – возмущается, заламывая руки, режиссер. – Иначе так мы до завтра будем из-за вас репетировать.

До конца прогона он еще раз десять одергивает ее – то она встала не там, то смотрит не туда, то ее образ недостаточно рельефен, то чересчур экспрессивен.

Аркадина, втянув в голову в плечи, покорно со всем соглашается и начинает сначала.

К двум часам пополудни репетиция худо-бедно заканчивается.

– Завтра в восемь, прошу не опаздывать! – машет труппе режиссер и оборачивается к Аркадиной. Сейчас он выглядит гораздо менее воинственно, чем еще каких-нибудь пять минут тому назад. Выражение глаз у него смущенно и где-то даже застенчиво.

– Какие планы на остаток дня, рыбка? – вкрадчиво начинает он. – Предлагаю отобедать в кафе под бокальчик игристого, потом мы прогуляемся с тобой по бульвару, а вечером я, увы, занят, у меня футбол.

– Отнюдь. После кафе мы пройдемся по магазинам, моему вечернему платью требуются новые босоножки. – парирует Аркадина, – А вечером у нас ужин с Петрушевскими. И не зови меня так пошло-вульгарно – рыбка, сколько раз можно тебе уже повторять.

– А как же мой футбол, полуфинал, рыб...? – осекается он.

– Полуфинал рыб, почем я знаю? – высокомерно пожимает плечами Аркадина. – Никак, судя по всему.

– Это еще почему?

– Потому, что я так решила. А для особо сообразительных поясню. Петрушевский работает, если ты не забыл еще, в департаменте культуры, а жена его председательствует в комиссии по распределению грантов для творческих коллективов. Это так, к слову. А еще я на вечер столик уже заказала, и, самое главное, босоножки присмотрела. Полуфинал твой, кстати, никуда от тебя не убежит. В записи посмотришь, это даже лучше – без валидола обойдешься. И еще, оденься ты уж как-нибудь поприличней, ей Богу. Галстук хотя бы надень.

– Тот, что в синюю полоску? – обреченно уточняет режиссер.

– Еще чего. Нет хуже моветона чем синий галстук в совокупности с серым вельветовым костюмом. Коричневый в горошек, разумеется. Да и побрейся ты в конце концов, позорище, а то мне уже перед народом неловко, что у меня такой затрапезный муж.

Режиссер молчит и, отстраненно смотря в потолок, улыбается. Мысленно он уже пребывает на завтрашней репетиции: «Ничего – ничего, уж там-то он покажет этой зарвавшейся курице, кто в доме хозяин» ...

Твой он что ли

Предновогодний вечер упал на город и погрузил его в праздничную суету. Смешались в одну гигантскую суматошную кучу люди и их железные кони. Вот и рядом с магазинчиком, плавно переходящим в стихийный рынок, царит невероятное оживление. Пока одни изо всех сил делают деньги, другие, не с меньшим осторожением, их расходуют. Граждане, не жалея наличных и безнала, лихорадочно совершают последние в уходящем году приобретения: «- Эй, ну сколько уже можно нюхать цитрусовые? Все у них тут одинаково спелое и непременно абхазское; – Денег не хватает? Так отваливай – нечего задерживать очередь. – А чего это ты встал тут, хвост у нас тааам вон...».

Да уж, Время нынче-деньги.

Впрочем, те, у которых деньги, в отличие от времени, закончились, тоже никуда не делись. Эти господа (нет, скорее тогда уж, товарищи), усиливая и без того напряжённый трафик, бесцельно снуют, толкаются, глазеют по сторонам, дабы напитаться атмосферой предстоящего праздника. Хотя им – то, как раз, не мешало бы иногда смотреть себе под ноги, поскольку это занятие порой может дать нечто большее, чем банальное эстетическое удовлетворение.

Вот, к примеру, сейчас на снегу, рядом с переливающейся всеми огнями елкой, лежит кошель, оброненный каким-то ротозеем. Судя по упитанности портмоне, развяза является вполне себе обеспеченным человеком, или, по крайней мере, был таковым до недавнего времени.

Но, как говорится – поздно пить боржом. Пока мы тут теоретизируем, возле кошелька, оттирая друг друга от находки торсами, уже топчутся двое ближайших претендентов на суперприз – толстый и тонкий. Толкаются они бережно, стараясь не привлекать излишнего внимания. Пока, что с небольшим перевесом побеждает толстяк. Ему противостоит затрапезного вида мужичок в изношенной, драной дубленке со следами отпоротых карманов и с авоськой в руке. По румяному двойному подбородку толстяка, несмотря на приличный морозец, течет пот.

– А он разве твой, что ли? – пыхтит толстяк, тяжело, точно борец Сумо, переминаясь с ноги на ногу.

– Может быть и мой, из кармана выпал, в прореху. – сквозь зубы цедит забулдыга, из последних сил упираясь головой в победоносный пузень оппонента.

– Твооой? – Физиономия толстяка воплощает откровенное презрение. – Ты на себя-то взгляни, граф Монте Кристо, у тебя и карманов – то нет.

– Зато прореха есть...

– Слыши, в милицию его надо сдать непременно. Давай его сюда, я отнесу. Чтобы по закону все.

– Вот еще, я и сам снесу...

Наконец забулдыга, окончательно осознав, что толстяк превосходит его в стратегическом отношении, говорит, едва переводя дух.

– Все, баста. Предлагаю пятьдесят на пятьдесят и аминь.

Видя, что противник почти уничтожен, толстый немного ослабляет напор. На его лице отражается усиленная умственная деятельность. Он оценивающе щурит веко.

– Двадцать, и то тебе за глаза будет. А что? Все по справедливости. Учи, я первый его увидел. Тобой не пахло еще.

– А ты давай – докажи, может и наоборот все было!

– Наобороот? Скажешь он еще твой, что ли?

– Может быть и мой, – плаксиво скалится тонкий, – Уйди, гнида – задавлю! ...

Потасовка начинается снова. Перемирие, видимо, пошло на пользу забулдыге. Тот, собрав волю в кулак, решительным броском оттесняет толстого от добычи.

Еще чуть-чуть, и толстяк с позором покинет ристалище, но тут вдруг раздается «кряканье взбесившейся утки» и лица обмерших бойцов осеняет фиолетовое свечение. Через мгновенье из остановившейся неподалеку машины вылезает парочка здоровых лбов и, поправив на груди автоматы, направляется к спорщикам.

– В чем дело, граждане? Что тут у вас еще? Кошелек? Твой, что ли? – поворачивается к толстяку бугай с нашивками сержанта.

Тот затравлено озирается и облизывает губы.

– Ну еесли по большому счету, тоооо...

– Смотри, командир. – морщит лоб второй страж порядка и кивает на кошель. – А не тот ли это лопатник, что в последней сводке по разбою проходит, на нем тяжкие телесные еще...

Толстяк вдруг отпрыгивает от кошелька так резво, насколько ему позволяет комплекция.

– ... То не мой. Не мой он, если по большому счету, – взвизгивает толстый, указывая на забулдыгу. – У хмыря, вон, из кармана выпал. Собственоручно видел. Прошу так и записать.

Полицейский переводит взгляд на забулдыгу.

– Аах, твой значит?

– Вот те крест, гражданин начальник, не мое это имущество, у меня и карманов-то нет. – машет головой тот, тихонько двигая ногой кошель в сторону оппонента. – Жирного эта штуковина, гражданин сержант, в натуре его.

– Совесть поимей, чувырло, ты же первый его нашел! – задыхается от возмущения жирдяй.

В ответ забулдыга замахивается на него авоськой.

– Значит ничей? – ухмыляется сержант, глядя на перепалку.

– Так точно – ничей, гражданин офицер...

– Ну раз ничей, тогда забираем его, опишем по акту содержимое и определим куда следует. – Патрульный присаживается на kortochki и, подняв кошелек, деловито отряхивает его от снега. – А вы, значит, оба с нами пройдете. Показания будем снимать...

Он неспешно разгибается, ища глазами спорщиков, но толстяка с забулдыгой уже и след простыл.

Сержант медленно оглядывается по сторонам, после чего разочаровано машет рукой и направляется к своему коллеге, который, нетерпеливо перетаптываясь, курит у машины.

– О, какой! Тугая мощна! Ну что, пятьдесят на пятьдесят, Колян? – игриво подмигивает ему напарник после того, как тот, довольно улыбаясь, демонстрирует улов. – Сейчас тихонечко в машину сядем и распишем. Повезло так повезло, не было ни гроша, а тут алтын целый ...

– Пополам? Следи, как бы рожа у кого-то не треснула, младший сержант. Забыл уже, кто первый его нашел?

– Погоди, сержант, а чего это ты тут раскомандовался – то, твой он что ли?

– А может быть и мой...

* * *

Что становится с кошельком далее, нам – простым смертным, увы, остается лишь предполагать, поскольку оставшаяся часть действия происходит за закрытыми дверями автомобиля.

* * *

Через десять минут машина трогается...

Маньяк

Сергей Петрович Репейников открыл глаза без одной минуты шесть, по обыкновению опередив на минуту будильник, уже было надувшийся с тем, чтобы разразиться у него над ухом яростной трелью.

«— Так, значит сейчас срочно в душ, потом быстренько закинуть в себя пару бутербродов с атлантической килькой и рысью на работу...»

Репейников, по традиции, что сложилась за время его ранних подъемов на службу в преуспевающей инвестиционной компании, медленно досчитал до пяти, после чего решительно дернулся, чтобы в отчаянном рывке скинуть с себя уютное и родное одеяло, но тут на его плечо мягко и настойчиво легла теплая длань супруги. — Лежи — куда собрался, у тебя же выходной сегодня, забыл?

«— Постой-ка... А ведь и действительно выходной. Первый раз за сколько там... ничего себе, за два месяца! Сначала была, помнится, выставка, потом вдруг возникла командировка, после нарисовались новые заказчики, затем, как всегда неожиданно, упал на голову квартальный отчет, потом опять командировка. И вот вчера ему, в качестве поощрения, разрешили немного перевести дух.»

— Ты давай не расслабляйся там особо, у нас с дочкой на тебя сегодня грандиозные планы. — сказала ему жена за завтраком. — Такой подарок судьбы, как твой выходной, необходимо реализовывать, а не бездарно спускать, сидя перед телевизором. Осталось только решить, куда мы сейчас направим свои стопы, коль скоро семья так чудесно воссоединилась.

— Давайте уж в кино по такому случаю. — неуверенно предложил Репейников, почему-то мысленно отметив, что кинотеатр находится почти подле самого его офиса.

— Не знаю, может лучше в зоопарк все же, а-то мы дочери второй год уже обещаем? — взорвала супруга. — Впрочем, я и сама давно хотела ей показать, как пахнут пачкуны-скунсы.

— В зоопарк, в зоопарк, мы идем в зоопарк. — радостно запрыгала на одной ножке дочурка, пытаясь протиснуться в узкое жерло джинсовой брючины. — Заодно узнаем, правда ли наш папа так похож на бегемота.

— Ну в зоопарк, значит в зоопарк. — вздохнул Репейников и пошел одеваться.

На улице, в старых затрёпанных джинсах и видавшей виды ветровке, он ощущал свое тело крайне неуверенно, представляя себя чуть ли не бомжом, выползшим из подворотни. Его преследовало навязчивое чувство, что все вокруг смотрят на него с осуждением, смешанным с презрительной жалостью и того гляди начнут бросать ему под ноги какую-нибудь мелочь.

Впрочем, в самом зоопарке его немного отпустило. Медведь напомнил ему директора — Ивана Ивановича, гиена — Клавдию Ибрагимовну — их бухгалтера, а проказница мартышка — секретаршу Ивана Ивановича — Полину. В этих зоологических интерьерах Репейников почувствовал себя почти, как в своей тарелке, его лицо даже осветила слабая улыбка, когда он, вкушая мороженое в вафельном стаканчике, с интересом наблюдал за ленивым совокуплением молодых павианов. Однако ж напряжение, с утра сковавшее члены Репейникова, все равно не хотело отпускать его до конца.

«— Как оно там на работе складывается, как они без меня там сейчас?» — гадал Репейников, рассеянно глядя на представительного мужчину в люксовой черной двойке с дипломатом в руке, что вылезал из машины, припаркованной у входа в бизнес центр.

При этом он в очередной раз с ненавистью посмотрел на свой выходной прикид и собрался было уже с новой силой предаться комплексам, как в кармане его куртки настойчиво завибрировало.

– Сергей Петрович! – раздался в трубке голос мартышки, пардон, секретарши Полины. – Вы уж извините, что отрываю вас от заслуженного уикенда, но Иван Иванович просил узнать, куда вы положили папку с перепиской по Промстройбанку.

– Иван Иванович… узнать, правда? – обрадованно встрепенулся Репейников. – Скажите ему, что я сейчас, точнее через двадцать минут буду, … я тут неподалеку как раз. Лично ее преподнесу, в лучшем виде подам.

– Ну что вы, что вы, Сергей Петрович, отдохните, тем более босс категорически просил вас не дергать сегодня, в такой-то день. Да и необходимости, если честно, особой нет, напомните только где папка лежит и все. Дело ж минутное.

– Минуутное? Это вам, милочка, только кажется, что вокруг все пустяки. Дааа. Вопрос, который вы подняли сейчас, он очень серьёзный, оочень. У самих у вас ничего не получится, вы запорете процесс только, навредите …

– Постойте… сдается мне, что я ее где-то видела, точно видела, в переговорной вроде валялась… – задумчиво продолжила свою мысль секретарша.

– Не смейте ее искать без меня, не вздумайте даже, обещайте. Еду! – взвизгнул Репейников и на всякий случай отключил телефон.

– Все самому приходится с ними, все самому… без меня ничего не могут. – просияв, объяснил он свое убытие супруге, и извинительно потрепав за щеку надувшуюся дочь, торопливо добавил. – К обеду, значит, не ждите, в столовой перехвачу…

Минуту спустя Репейников уже мчался к ближайшей станции метро, на ходу доставая из портфеля предусмотрительно захваченный с собой галстук. На душе у него было легко и спокойно…

Вакансия

Василий Петрович Портнов – владелец, а заодно и директор небольшой мануфактуры по пошиву спортивного трикотажа, уже второй час гипнотизировал свинцовым взглядом проваленный в хлам план продаж за прошлый квартал, когда по ту сторону его кабинета послышались голоса и раздался осторожный стук в дверь. После чего в проеме показалось помятое и недовольное лицо секретарши, из-за спины которой нетерпеливо выглядывало еще одно.

– К вам посетитель, Василь Петрович. Говорит, насчет вакансии менеджера по реализации. Пускать?

Портнов оживился и, смахнув со стола бумаги, кивнул секретарше. – Зови.

Через мгновение его взору предстал прилизанный, обтекаемый субъект лет эдак тридцати с чрезвычайно живой наружностью, проницательным взглядом и с пузатым, прижатым к груди портфелем.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочтите эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.